

Михайловский Николай Константинович

**Полное собрание сочинений Н. К.
Михайловского**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Константинович М.**
Полное собрание сочинений Н. К. Михайловского: Том 10 / Михайловский Николай Константинович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 619 с.

ISBN 978-5-519-96952-9

ISBN 978-5-519-96952-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ряднымъ ремесленникомъ пера... Да, и статейки и наивна, и незрѣла. Въ ней замѣчаются нѣкоторыя неловкости содержания или формы. Но въ ней уже сказывается темпераментъ борца. Напѣ авторъ-альчикъ иронически относится къ русскому обществу, которое въ общемъ спитъ и пробуждается сномъ и видитъ болѣе или болѣе фантастичные сны. Въ противоположность обычнымъ русскимъ характерамъ того соннаго типа, Михайловскій разсматриваетъ Ольгу, Штольца и Райскаго, какъ русли-самогуды, будищие людей этого сваченнаго дремотой царства: „Это люди съ силами напряженными до высшей степени; это анти-русскіе типы въ этомъ отношеніи“ (стр. 372 этого тома). Будущій знаменитый русскій публицистъ уже тогда ставитъ активность основой своего міровоззрѣнія: „Человѣкъ созданъ для жизни общественной: онъ не имѣетъ права отчуждаться отъ общества, да и подобное отчужденіе бываетъ гибельно для него самого“ (стр. 374—375). И далѣе: „Душа требуетъ бдительности. Это ея потребность, ея націнный хлѣбъ. Этой потребности не заглушить ничѣмъ... Мы не понимаемъ, какъ чувство, оставаясь чувствомъ, можетъ быть вызвано на борьбу: борьба его есть жизнь, по существу только тогда, когда борется съ чувствами противоположными“ (378 стр.). такъ вотъ: борьба, общественная жизнь, — е. активное воздѣйствіе на внѣшнюю среду, уже въ то время составляетъ одинъ изъ основныхъ мотивовъ публицистической узы крайне молодого писателя.

Затѣмъ идутъ статьи по женскому вопросу, разсматриваемому съ той или другой стороны: „Къ женскому вопросу“ изъ изеты „Якорь“ за 1862 г.; „Мужской вопросъ или жепскій?“ изъ газеты „Русь“ за тѣ же годъ. Сюда же можно отнести хотя гораздо позднѣйшую (изъ „Отеч. Зап.“ 1869 г.) статью „О мѣрахъ противодѣйствія проституціи“. Эти статьи любопытны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что изъ нихъ видно, какъ молодой Михайловскій интересовалъ живо общественныя науки, а среди нихъ статистика, отступившая въ послѣдующее время его дѣятельности на задній планъ педѣ общей системой социологіи, — что и представляло даже людей, хорошо знавшихъ рѣлаго Михайловскаго, думать, будто статистика имѣла мало привлекательности для Николая Константиновича. Но это будъ показано мимоходомъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ мы подчеркиваемъ то обстоятельство, что авторъ, трактуя женскій вопросъ, уже ставитъ его въ тѣсную зависимость

съ общимъ социальнымъ вопросомъ,¹⁾ а при рѣшеніи послѣдняго прибѣгаетъ къ аргументаціи, въ которой нельзя не видѣть первыхъ жизненныхъ ростковъ его будущаго широко-социалистическаго міровоззрѣнія. Такъ, говоря о значеніи статистики, — „значеніи, великость котораго трудно даже предвидѣть“ („Къ женскому вопросу“, стр. 389), — Михайловскій усматриваетъ его въ томъ, что на мѣсто отвлеченныхъ соображеній эта наука ставитъ рядъ цифръ, дающихъ твердую почву для знакомства съ нѣкоторыми сторонами социальныхъ явлений, по самой сущности своей подлежащихъ измѣненію. А „человѣкъ всегда и повздѣ есть продуктъ социальныхъ и физическихъ условій, которые разнообразны до безконечности“ (стр. 394). Объяснилъ эту мысль, Михайловскій противопоставляетъ „физическія условія“, которыя „нѣчны“, „социальнымъ“, которыя „переходящи“ и въ которыхъ „совершается постоянный и правильный прогрессъ“ (стр. 397). А въ заключеніе несомнѣнный уклонъ въ сторону социализма: „Мысль о трудѣ, какъ о гарантіи права, явилась въ нашемъ положительномъ, матеріальномъ вѣкѣ, когда получили значеніе двѣ простыя, но великія истины, что кто ѣстъ и пьетъ, тотъ долженъ работать, и что экономическое неравенство ведетъ къ неравенству правъ“ (стр. 398).

Но развитіе міровоззрѣнія Михайловскаго идетъ если и послѣдовательнымъ, то скорымъ темпомъ. Какихъ-нибудь три-четыре года спустя, въ самомъ началѣ 1866 г., въ № 1 „Книжнаго Вѣстника“, появляется его замѣчательная рецензія объ „Образованіи человѣческаго характера“ (Оуэна), рецензія, въ которой социалистическія идеи Михайловскаго принимаютъ уже такую опредѣленную форму, что, на примѣръ, его критика утопическаго социализма Оуэна не оставляетъ ничего желать лучшаго даже для нашего времени. Развѣ не поразительно умна для молодого человѣка 23-24 лѣтъ, пишущаго, не забудьте, въ половинѣ 60-хъ годовъ въ Россіи, его ѣдкая и беспощадная оцѣнка плана Оуэна обратиться къ филантропамъ изъ имущихъ классовъ и къ современному правительству съ требованіемъ провести существенныя для большинства человечества реформы: „Наивнѣйшая изъ наивностей. Не забудьте, что дѣло идетъ объ Англіи, странѣ вполне цивилизованной, гдѣ слѣдовательно ничто не дѣлается случайно, ин-

¹⁾ См. ниже, а также въ „Библиографическія замѣтки“ г. Колосова.

стипктивно, помимо общественнаго сознаниі; не забудьте также, что парламентъ въ Англіи вовсе и никогда не имѣлъ цѣлю „дѣлать счастливыми какъ управляемыхъ, такъ и правящихъ“; и не забывайте, наконецъ, что (никогда такого рода правительство не будетъ себя считать счастливымъ, когда ему придется вдругъ пешись о народѣ столько же, сколько о себѣ самомъ!.. Овенъ дѣйствительно въ это вѣрилъ и въ своемъ увлеченіи доходитъ до того, что прямо высказываетъ англійскому правительству необходимость измѣненія всѣхъ тѣхъ законовъ, которые поощряютъ всѣ бѣдствія современнаго общества, забывая, что въ нихъ-то именно и кроется вся выгода англійскаго правительства и солидарныхъ съ нимъ сословій эксплуататоровъ чужого труда... Овенъ воображалъ, что британское правительство въ одно и то же время могло быть всемогущимъ и дѣйствовать только во имя народной пользы, во имя идеала справедливости и братства! Но какъ извѣстно, и виги, и тори невольны солидарны съ буржуазіей, и потому должны терпѣть систему эксплуатаціи и никогда добровольно не становятся во главѣ слишкомъ простаго разрѣшенія общественныхъ вопросовъ; либерализмъ на словахъ—дѣло другое! Буржуазное правительство только и держится систематическимъ развращеніемъ, притупленіемъ умственныхъ способностей и нечѣстностью рабочаго сословія, и вотъ почему всѣ надежды идеалистовъ, подобныхъ Овену, постоянно оставались и остаются утопіями!.. Всякій мало-мальски честный человѣкъ,—въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это понимаемъ,—хотя и можетъ вполне сочувствовать такимъ людямъ, какъ Овенъ, но въ то же время долженъ помнить, что предлагаемый имъ методъ дѣйствій,—непрактиченъ, скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, и только изъ близорукости или недобросовѣстности можно не соглашаться съ нимъ и продолжать проповѣдывать подобный социализмъ“ (стр. 662-664).

Эта опредѣленность взглядовъ сдѣлала бы честь и гораздо болѣе зрѣлому и опытному мыслителю. И чѣмъ дальше развивается мысль Михайловскаго въ этомъ направленіи, тѣмъ ея социальное содержаніе становится все болѣе отчетливымъ и приближающимся къ истинному міровоззрѣнію труда.

Мыслей, относящихся къ этому опредѣленному кругу идей, можно было бы найти у Михайловскаго уже въ это время очень много. Рекомендуемъ читателю просмотрѣть вообще эти рецензіи за 1865-67 г. изъ „Книжнаго Вѣстника“. Тамъ социали-

стическихъ положеній, высказываемыхъ то по поводу одного, то другого жизненнаго факта, то по поводу одной, то другой теоретической мысли найдется въ багажѣ нашего писателя сколько угодно. Прислушайтесь, напримѣръ, какъ въ его сочувственной въ общемъ рецензіи о „Самодѣятельности“ Смайльса рѣзко, однако, звучитъ нота принципиальнаго скептицизма по отношенію къ теперешнему общественному строю, который кладетъ узкіе предѣлы самодѣятельности и самопомощи. При этомъ Михайловскій уже ссылается на „Экономическія противорѣчія“ Прудона (стр. 694). Въ рецензіи „Стоитъ ли поощрять русскую промышленность“ ярко блеститъ та совершенно вѣрная мысль, что споръ протекціонистовъ и фритредаровъ есть въ сущности домашній споръ, въ которомъ и тѣ и другіе одинаково правы и неправы, такъ какъ исходитъ изъ совершенно фальшиваго предположенія о солидарности частныхъ и общественныхъ интересовъ: „Но этой солидарности въ дѣйствительности нѣтъ, и потому понятно, что возыметъ верхъ та система, на сторонѣ которой окажется больше матеріальной силы“ (стр. 725).

Положительно замѣчательна его рецензія по поводу появленія въ русскомъ переводѣ перваго тома Адама Смита. Михайловскій мастерски характеризуетъ точку зрѣнія экономистовъ: „Говоря о производствѣ и распредѣленіи... богатства, ученые Смитъ имѣютъ въ виду только установившіяся, исторически выработавшіяся способы производства и распредѣленія. Факты производства посредствомъ извѣстныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ и распредѣленіи путемъ обмѣна до такой степени подавляютъ мыслительные аппараты экономистовъ, что видъ этихъ способностей они не видятъ ничего. Понимая, существующій въ данную минуту, они возводятъ въ принципъ, въ законъ для всѣхъ временъ и народовъ“ (стр. 728).

Я попрошу читателя сравнить эту мысль хотя бы съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ „Нищеты философіи“ Маркса, которая, конечно, не была въ то время извѣстна Михайловскому: „У экономистовъ есть своеобразная манера разсуждать. Для нихъ существуетъ лишь два сорта учреждений, искусственныя учрежденія и естественныя учрежденія. Феодальныя учрежденія — учрежденія искусственныя; буржуазныя учрежденія—естественныя... Говоря, что современныя отношенія—отношенія буржуазнаго производства—естественны, экономисты даютъ понять, что то—отношенія, въ которыхъ создается богатство и разлагаются производительныя силы общества“.

законами природы. Стало быть, сами эти отношения представляют собой естественные законы, независимые от влияния времени. То—вѣчные законы, которые должны всегда царить надъ обществомъ" (Цитирую по новому французскому изданію: „Misère de la philosophie"; Парижъ, 1896 г., стр. 167—168). Теперь, конечно, эти разсужденія стали избитымъ мѣстомъ. Но какую самостоятельность мысли долженъ былъ имѣть русскій писатель, не достигшій 25 лѣтъ и развивавшій эту аргументацію въ тяжелую и смутную середину 60-хъ годовъ!

Смѣло и совершенно въ духѣ опредѣленнаго социализма Михайловскій вскрываетъ смыслъ такъ называемой гуманности Смита, который, молъ, призналъ значеніе труда. Но къ чему же сподится эта гуманность,—спрашиваетъ Михайловскій,—разъ Смитъ признаетъ естественность современнаго распределенія, фатально вызывающаго „антагонизмъ интересовъ". „Признавъ распаденіе вознагражденія за трудъ на прибыль и заработную плату дѣломъ законнымъ и естественнымъ, онъ съ полнымъ спокойствіемъ разсматриваетъ каждую изъ дифференцировавшихся частей порознь. Затѣмъ уже, разумеется, все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Нужно только немножко гуманности съ одной стороны и усердія—съ другой. Но ясно, что этой гуманности и этому усердію собственно не откуда взяться, потому что означенное дифференцированіе вознагражденія за трудъ вызываетъ прежде всего антагонизмъ интересовъ... А, слѣдовательно, говоря жалкія слова, какъ гуманность, усердіе и проч., Смитъ только напускаетъ туману и затемняетъ дѣло, само по себѣ ясное какъ день. Смитъ и самъ долженъ инстинктивно сознавать это, потому что признаетъ всѣ результаты этого антагонизма интересовъ. Основная ошибка Смита и всей его школы коренится въ томъ, что они вѣрятъ въ гармонію псевдвозможныхъ интересовъ, которой въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ" (стр. 730).

Я попросилъ бы также читателя вдуматься въ то критическое отношеніе Михайловскаго къ существовавшимъ въ его время социалистическимъ системамъ, какое обнаруживается въ этой же рецензіи. Рѣзко отзываясь объ экономистахъ, какъ о людяхъ, вся премудрость которыхъ заключается только въ апологіи эгоизма, Михайловскій указываетъ, однако, что и у современныхъ ему социалистовъ замѣчается своя утопія, только съ перемѣщеннымъ центромъ тяжести, такъ какъ они думаютъ избавить человѣчество отъ всяческихъ

бѣдъ, перестроивъ данное общество по придуманнымъ ими планамъ. Эта мысль интересна въ томъ отношеніи, что въ ней уже находится въ зародышѣ послѣдующій важный элементъ социалистическаго міровоззрѣнія Михайловскаго,—элементъ, который можно назвать народническимъ, или исходящимъ изъ признанія великаго значенія основныхъ потребностей трудящихся массъ.

Любопытнымъ этапомъ по пути выработки этого міровоззрѣнія является рецензія Михайловскаго о Жанъ-Жакъ Руссо: „Руссо поплѣзъ, куда ведетъ людей эта ложная, оторванная отъ жизни наука. Онъ предчувствовалъ даже Мальтуса и разрился противъ его будущей теоріи грозной и краснорѣчивой филиппикой въ своемъ „Etude sur l'origine de l'inégalité des hommes". Поплѣзъ и предчувствовалъ... и проклялъ науку. Петроградъ былъ покойникъ, и всякій писака изъ „Петербургскаго Листка" не въ примѣръ либеральнѣе его. Но мы не бросимъ въ него (т.-е. не въ писака, а въ Руссо) за это камень; въ „Книжкомъ Вѣстникъ" было уже высказано мнѣніе, что „лучше никакой науки, чѣмъ наука лицемерная, безцѣльная и безчестная", а такого именно мнѣнія былъ Руссо о современной наукѣ" (стр. 736). Я не считаю нужнымъ подробно объяснить, какимъ путемъ эта мысль превратится въ своею дальнѣйшемъ развитіи въ общее міровоззрѣніе русскоіи активной интеллигенціи 70-хъ годовъ. Я напомню лишь читателямъ знаменитую отповѣдь по адресу Достоевскаго, которая выльется изъ устъ Михайловскаго при началѣ періода хожденія въ пародъ: „Мы поняли, что сознаніе обще-человѣческой правды и обще-человѣческихъ идеаловъ далось намъ только вѣковыми страданіемъ народа... Для чловѣка, вкусившаго плодовъ обще-человѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической... И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанные съ этою свободою права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности расчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ" (Февраль 73 г.; т. I „Полнаго Собранія", стр. 869).

Но не будемъ забѣгать впередъ. Объ опредѣленности позитивнѣйшихъ взглядовъ Михайловскаго намъ придется сказать еще нѣсколько словъ дальше. Вернемся къ указанію на тѣ сравнительно мало знакомые большой публикѣ элементы міропониманія

молодого Михайловскаго, которые обрабатывает и слагаетъ въ одно цѣлое его быстро крѣпящая мысль. Было бы искаженіемъ истинной физиономіи Михайловскаго, и въ эту пору и вообще во всю его литературную дѣятельность, если бы мы опредѣляли его исключительно какъ социалистическаго писателя: для него выработка общаго міровоззрѣнія включала социалистическій взглядъ на современный строй, но имъ цѣликомъ не исчерпывалась. Изъ разныхъ областей и угловъ мысли и жизни его умственный аппаратъ стягивалъ различные явленія и старался привести ихъ къ извѣстному единству. Такъ нельзя не отмѣтить во взглядахъ формирующагося писателя того сильнаго тяготѣнія къ позитивному мышленію, которое выражалось въ рѣзкомъ отрицаніи метафизики и въ послѣдовательномъ проведеніи широко-реалистической точки зрѣнія на явленія общественной жизни и человѣческой психологіи, но не мѣшало однако очень смѣлому критическому отношенію къ тогдашнимъ корифеямъ европейской научной мысли. Михайловскій даетъ, напр., въ высшей степени лестную оцѣнку значенія людей въ родѣ Бокля и Конта въ области исторіи науки и учрежденій. Но онъ уже тогда понимаетъ односторонность постановки вопроса позитивной философійей и рано начинаетъ сводить счеты съ мыслителями типа Спенсера, полагающими, что можно одной чисто объективной формулой, претендующей на всеобщность абсолютной истины, охватить всю мировую, общественную и индивидуальную эволюцію. Критика Спенсера обнаруживаетъ у молодого Михайловскаго поистинѣ рѣдкостную смѣлость мысли.

Если не ошибаюсь, первое упоминаніе о Спенсерѣ и первая критическая оцѣнка его встрѣчаются подъ перомъ Михайловскаго въ рецензій все того же „Книжнаго Вѣстника“ за 1866 г., посвященной классификаціи наукъ, которую Спенсеръ противопоставлялъ подобной же классификаціи у Конта. Эта критика развивается и принимаетъ почти законченную форму въ нѣсколько позднѣйшей рецензій, но все того же 1866 г., написанной на русскій переводъ тома 1-го „Опытовъ“ Спенсера. Уже здѣсь цѣликомъ намѣчается будущая „формула прогресса“ Михайловскаго, которая въ 70-хъ годахъ приобрѣтетъ такое общественное, мы бы сказали, историческое значеніе. Уже здѣсь ясно говорится, что прогрессъ индивидуума и прогрессъ общества идутъ въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ, и что невозможно охватывать однимъ закономъ развитія эти двѣ эволюціи. Прошу читатели обратить вниманіе въ упо-

мянутой рецензій хотя бы на слѣдующія строки: „Спенсеръ говоритъ, что „основное свойство общества и живыхъ существъ заключается въ томъ, что они состоятъ изъ взаимно-зависимыхъ частей“. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду разницу между этими частями, которою обуславливается и разница между цѣлыми: живыя существа состоятъ изъ органовъ, общества—изъ недѣлимыхъ, и эту-то разницу нужно всегда имѣть въ виду при употребленіи социологическаго метода. То, что нормально, законно, справедливо, словомъ физиологично по отношенію къ органамъ, дѣлается аномальнымъ, несправедливымъ, незаконнымъ, словомъ, патологичнымъ по отношенію къ недѣлимымъ“ (стр. 718).

А приблизительно черезъ годъ, въ двухъ литературныхъ обзорѣніяхъ „Гласнаго суда“ (Іюль 1867 г.), Михайловскій уже смѣло отводитъ мѣсто Спенсеру въ ряду выдающихся, но отнюдь не первостепенныхъ мыслителей, которые увлекаются доктриной всеобщей эволюціи, не различающей между развитіемъ человѣческаго организма и человѣческаго общества. Въ этихъ статьяхъ, замѣчательныхъ по независимости мысли, съ какой Михайловскій критикуетъ автора, ставяшагося чуть ли не Богомъ для извѣстной части вѣчно увлекающейся русской интеллигенціи,—въ этихъ статьяхъ, говоримъ мы, встрѣчаются въ сжатомъ видѣ уже почти всѣ мысли, которыя будутъ послѣ развиты Михайловскимъ, начиная хотя бы съ указанія на неправоту приложенія къ человѣческому обществу закона Бера о переходѣ отъ простаго къ сложному. Михайловскій уже становился вполне тѣмъ Михайловскимъ, который вскорѣ, вмѣстѣ съ Лавровымъ, но независимо отъ него, долженъ былъ явиться однимъ изъ основателей „русской социологической школы“.

Такъ, постепенно, изъ различныхъ элементовъ европейской науки и явленій жизни, критически просѣиваемыхъ замѣчательнымъ обобщающимъ умомъ Михайловскаго, вырастаетъ цѣльное міровоззрѣніе, и различные факты и идеи срастаются въ головѣ мыслителя въ одинъ живой организмъ, въ ясную систему теоретической и практической философіи. Крайне любопытна его статья „Параллели и Контрасты“. Пророчески она называется въ подзаглавіи „Введеніемъ къ ненаписанной книгѣ“. Этой ненаписанной книгой и является въ извѣстномъ смыслѣ вся послѣдующая литературная дѣятельность Михайловскаго, который, несмотря на свое prematurely преклонное вѣкъ, продолжаетъ рано и постоянно отклоняться отъ общаго развитія въ отдаленныхъ его системъ.

на вѣчно тревожащій его злобы дни. Именно живой и необыкновенно отзывчивый темперамент писателя-публициста и будет мѣшать Михайловскому написать эту ненаписанную книгу. Но, въ концѣ концовъ, разъясняя то по тому, то по другому поводу читателямъ основныя стороны своихъ взглядовъ, Михайловскій дастъ намъ гармоничное міропониманіе, какое по своей внутренней связности и продуманности не останитъ желать ничего лучшаго.

Центральнымъ пунктомъ этого міропониманія Михайловскій ставитъ критику современнаго раздѣленія труда, которая должна будетъ составить, по мнѣнію автора „Параллелей и контрастовъ“, предметъ его ненаписанной книги. Страстно и горько звучитъ въ этомъ этюдѣ, въ этой, можно сказать, увертюрѣ къ философскому учению Михайловскаго, протестъ противъ сухой, формальной, разорванной на части спеціалистами науки, презрительно повертывающей спиною къ требованіямъ громаднаго большинства человечества, этой великой арміи „профановъ“, которымъ и холодно, и голодно, и которые желали бы получить отъ officialнаго знанія хоть что-нибудь, удовлетворяющее основнымъ запросамъ ихъ тѣла и души. Во имя этихъ-то профановъ Михайловскій будетъ подвергать самой рѣзкой оцѣнкѣ современный строй, основанный на чрезмѣрно далеко зашедшемъ раздѣленіи труда, и разрушать ударами критическаго тарана ту храмину снаружи гордой officialной науки, которая вся состоитъ изъ маленькихъ закоулковъ, обитаемыхъ спеціалистами, отнюдь не думающими соединить въостъ результаты своихъ трудовъ. Страницы въ „Параллеляхъ и Контрастахъ“, гдѣ Михайловскій предъявляетъ требованіе профановъ (стр. 509 и слѣд.), уже заключаютъ въ себѣ суть той точки зрѣнія, съ какой десятью годами позже онъ будетъ въ своихъ „Запискахъ профана“ анализировать всѣ явленія жизни и мысли.

Но Михайловскій очень рано пробуждается и какъ публицистъ, и какъ критикъ социально-художественнаго, если можно такъ выразиться, направленія. Подобно тому, какъ онъ рѣзко возстаетъ противъ науки для науки, онъ не менѣе энергично нападаетъ и на искусство для искусства. Уже въ одной изъ своихъ рецензій въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ по поводу лекцій объ искусствѣ Тэна, съ похвалою указывая на вѣкторый идею этого писателя, Михайловскій тѣмъ не менѣе считаетъ должнымъ продвинуться дальше Тэна и посвящаетъ конецъ рецензій той мысли, что „искусство не можетъ отрѣшиться отъ участія въ общественной жизни“, (стр. 733), и что чуткій

художникъ, помимо всякой тенденціи, долженъ необходимо преслѣдовать извѣстный идеалъ. Въ его послѣдующихъ статьяхъ мы встрѣтимъ рядъ по истинѣ замѣчательныхъ приложений этой profession de foi. Намъ нечего доказывать, что именно въ лицѣ Михайловскаго русская критика и публицистика, сведенная на моментъ съ своего плодотворнаго пути высоко талантливымъ, но зачастую чрезчуръ индивидуалистическимъ радикализмомъ Писарева, возвращается снова къ широкой социальной точкѣ зрѣнія, которую съ такимъ умѣніемъ и успѣхомъ развивали въ „Современникѣ“ Чернышевскій и Добролюбовъ.

Кстати, надо видѣть, съ какой смѣлостью мысли, съ какимъ сознаниемъ собственной самостоятельности Михайловскій отмежевывается еще въ 1866 г. отъ Писарева. Въ замѣчательной рецензій на первую часть сочиненій знаменитаго корифея тогдашнихъ „нигилистовъ“, Михайловскій вскрываетъ тѣ промахи Писарева, которые опредѣлялись узостью его точки зрѣнія, иронически отмѣчая его гошенія на Щедрина „съ высоты птичьего полета“, его панегирики Писемскому, его „благодарственные оды“ Тургеневу за Базарова, и въ концѣ концовъ дѣлаетъ такую оцѣнку литературной дѣятельности разбѣраемаго автора: „Мы лично не принадлежимъ ни къ особеннымъ поклонникамъ, ни къ отъявленнымъ хулителямъ г. Писарева: мы признаемъ за этимъ писателемъ искреннее стремленіе приносить пользу, искусство популяризаціи научныхъ истинъ и талантъ изложенія, и увѣрены, что если бы онъ былъ поддержанъ, не предавался бѣшенству многописанія, не отличался особенною цѣпкостью въ отставаніи своихъ увлеченій и заблужденій и попридержалъ въ извѣстныхъ границахъ свое самолюбіе,—что онъ прямой наслѣдникъ трехъ свѣтлыхъ русскихъ именъ,—а главное былъ бы вѣренъ высотѣ своего направленія, то за нимъ бы упрочилось, при нашемъ безлюдьи, весьма почтенное имя“ (стр. 692). Извѣстна та симпатія, съ какой Михайловскій впоследствии неоднократно упоминалъ о Писаревѣ, хотя и нелицеприятно оцѣнивая его достоинства и его недостатки. Но въ самомъ разгарѣ литературной славы Писарева Михайловскій счелъ нужнымъ рѣзко подчеркнуть изыяны писаревской литературной дѣятельности. Это уже указываетъ, въ какой степени былъ оригиналенъ совѣтъ еще молодой Михайловскій.

Мы говорили относительно умѣнія Михайловскаго разсматривать и явленія жизни, и идейные продукты съ широко общественной точки зрѣнія. Нѣкоторыя его публицистическія работы, написанныя еще въ

го время, заслуживаютъ въ этомъ смыслѣ серьезнаго вниманія. Нельзя, напр., не восхищаться тѣмъ тонкимъ и вмѣстѣ энергичнымъ юморомъ, съ какимъ Михайловскій въ своей статьѣ „Старички“ изъ „Современнаго Обозрѣнія“ 1868 г. характеризуетъ литературную дѣятельность „Общества любителей россійской словесности“, этихъ допотопныхъ представителей литературы, которые въ дружеской бесѣдѣ переливали изъ пустого въ порожнее во имя славныхъ временъ Пушкина и Вяземскаго. Любопытно, кстати сказать, что Михайловскій проводитъ блестящую аналогію между этими старичками и—къмъ бы вы думали?—зубрами изъ Бѣловѣжской пущи: „Грустныя поты слышались въ мычаніи старыхъ благородныхъ животныхъ. Они говорили о своей бывшей славѣ и о своемъ теперешнемъ униженіи, и стонъ, и горькій плачь, и вопли негодованія и проклятій раздаются по Бѣловѣжской пущѣ“ (стр. 456). Какъ задумываешься теперь надъ этими строками, теперь, когда представители отжившихъ формаций, занимавшіеся отжившими вопросами, стали во главу угла и даютъ толкъ и направление современной жизни!.. И мысленно представляешь себѣ, что вылилось бы изъ-подъ пера Михайловскаго при видѣ этого историческаго воскрешенія мертвыхъ, гальванизированныхъ электрическимъ токомъ свирѣлой соціальной борьбы: „зубры“ пастбищныя и „зубры“ 60-хъ годовъ,—вотъ ужъ по истинѣ неожиданныя „параллели“ и контрасты“¹.

Поразительно тонка та сравнительная характеристика журнальной и газетной прессы, которую Михайловскій даетъ еще въ своихъ статьяхъ „О современной журналистикѣ“ („Книжный Вѣстникъ“ за 1866 г.). Пониманіе необходимыхъ политическихъ условій, при которыхъ газета можетъ играть роль; указаніе на особенности русской жизни, выдвигающія на почетное мѣсто журналъ; и, наконецъ, вообще мастерское выясненіе задачъ „учено-литературной журналистики“, которая должна являться посредницей между ежедневной прессой, черезчуръ увлекающейся распространеніемъ вздорныхъ мелочей и политическихъ сплетенъ, и собственно ученой прессой, которая грѣшитъ затхлостью и отчужденностью отъ жизни;—все это до такой степени умно и вѣрно, что съ тѣхъ поръ прошло болѣе сорока пяти лѣтъ, и однако лучшей характеристики отношеній между различными видами печати не дашь.

Но вотъ Михайловскій окончательно установился. Теперь рѣчь уже не о томъ, чтобы болѣе или менѣе подробно прослѣживать выработку его міровоззрѣнія. Те-

перь мы должны въ лежащемъ предъ нами матеріалѣ подчеркнуть лишь то, что представляется намъ болѣе интереснымъ, предоставляя чутью самого читателя подробно останавливаться на привлекательныхъ сторонахъ литературной работы уже окончательно сложившагося Михайловскаго. Дѣло идетъ о вполне зрѣлой порѣ его дѣятельности, съ того момента, когда онъ входитъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ и становится однимъ изъ самыхъ яркихъ руководителей этого журнала, сыгравшаго такую роль въ общественной да и политической жизни русской интеллигенціи. Матеріаловъ для этой стороны Михайловскаго читатель много найдетъ во второмъ, третьемъ и пятомъ отдѣлахъ I-ой части этого тома. Самъ Михайловскій, издавал свои сочиненія еще при жизни, многое не считалъ нужнымъ перепечатывать. Иное дѣло — составители тома: здѣсь намъ приходится ставить предъ глазами читателей различныя проявленія литературной дѣятельности славнаго писателя, какъ бы ему самому въ данный моментъ они ни казались утратившими интересъ. Таковы, напр., „Полемическіе матеріалы“, какъ ихъ называетъ г. Колосовъ. Мы, конечно, вполне понимаемъ чувства, которые руководили Михайловскимъ, когда онъ не вводилъ въ сочиненія, выходившія при его жизни, статей въ родѣ „Бесѣды со старымъ воробьемъ“. Эфемерность общественнаго значенія одного изъ будущихъ столповъ „Новаго Времени“ не могла уже очень давно укрыться отъ прощипательнаго взгляда Михайловскаго. И ему вовсе не хотѣлось вести снова читателя на арену такихъ прежнихъ литературныхъ турнировъ, которые въ свое время могли играть полезную роль, но которые на разстояніи сорока лѣтъ теряютъ постольку значеніе, поскольку и сами противники этого пошиба являются въ гораздо большей степени симптомами и продуктами извѣстнаго положенія вещей, чѣмъ его создателями и инициаторами. Для насъ же, въ полномъ собраніи сочиненій, эта литературная полемика пріобрѣтаетъ свою цѣну. Она именно позволяетъ видѣть, съ какою послѣдовательностью и вѣрностью Михайловскій проводилъ однажды сформированное имъ міровоззрѣніе и въ положительной, и въ отрицательной формѣ, т.-е. не только развивая существенные пункты своихъ изгладовъ, но и испытывая на ихъ оселкѣ противниковъ дорогихъ ему идей. Нѣкоторые изъ этихъ полемическихъ вѣтвудовъ важны или своею необыкновенною убѣдительностью и своею законченностью формы (такова, напр., его образцовая газетная

статья „О диспутѣ Владиміра Соловьева“, или выясненіемъ въ спорѣ тѣхъ сторонъ общаго міросозерцанія Михайловскаго, которыя могли остаться въ тѣни или не совсѣмъ быть понятыми читателемъ (къ этой категоріи относится хотя бы его полемика съ г. Словимскимъ) ¹⁾.

Впрочемъ, страстный полемическій темпераментъ публициста-гражданина сказывается въ томъ, что порою лишь очень искусственно можно провести у Михайловскаго грань между спокойнымъ изложеніемъ взглядовъ и полемической защитой ихъ въ борьбѣ съ противниками. Читатель, напр., увидитъ, какъ близко сходятся и переплетаются по своему содержанію второй и пятый отдѣлы I-й части. Такъ „Бесѣда со старымъ воробьемъ“ воспроизводится въ сокращенномъ видѣ въ одной изъ его замѣчательныхъ трехъ статей 1872—1873 гг., носящихъ названіе „Литературныхъ замѣтокъ“. Онѣ, впрочемъ, позволяютъ ему дать яркую критику уже не только либеральничавшаго въ то время на столбцахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. „Старого воробья“, но и всего того либеральнаго европейскаго доктринерства, которое свило себѣ тогда гнѣздо въ этомъ органѣ и являлось первой попыткой русской буржуазіи защищать въ печати свои интересы.

Борьба съ этимъ направленіемъ составляла въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пятнадцати лѣтъ серьезную заботу Михайловскаго. Видя или, лучше сказать, предчувствуя народное у насъ этого класса, онъ считалъ пущимъ проводить противоположную точку зрѣнія, точку зрѣнія социальнаго народничества, выдвигал ее противъ тѣхъ переметныхъ сумъ нашей литературы, тѣхъ служителей минуты, моды и поддѣливанія подъ вкусы различныхъ общественныхъ слоевъ, которыхъ онъ такъ забавно охарактеризовалъ Гейневскими стихами:

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться.

Въ сущности къ этой же категоріи вещей, живо отзывающихся на злобы дня, принадлежатъ и двѣ первыя статьи I-го Отдѣла, отнесенныя г. Колосовымъ къ рубрикѣ „Общественно-политическихъ статей и замѣтокъ“. Статейка „По поводу русскаго изданія книги Карла Маркса“ очень любопытна тѣмъ, что она является одной изъ раннихъ попытокъ Михайловскаго отнести самостоятельно къ запро-

самъ русской жизни. Въ ней ясно проводится та мысль, что пора бы отказаться отъ сплошнаго славянофильскаго или сплошнаго западническаго взгляда на Европу. Вопросъ о томъ, какъ намъ должно относиться къ свѣтлымъ и тѣневымъ сторонамъ болѣе культурныхъ странъ, ставится Михайловскимъ на почвѣ основныхъ общественныхъ интересовъ. И, анализируя ихъ, онъ, напр., находитъ, что подъ обидными фразами о Россіи, о процвѣтаніи въ ней промышленности скрывается непримиримая вражда различныхъ социальныхъ группъ: „Внутри русскихъ интересовъ обособляются интересы русскихъ фабрикантовъ и русскаго народа“ (стр. 8).

Но очень замѣчательно, что эта точка зрѣнія социалистическаго народничества исключаетъ у Михайловскаго менѣе, чѣмъ у кого бы то ни было, пониманіе значенія свободныхъ формъ жизни, — и это, обратите вниманіе, въ началѣ 70-хъ годовъ: „Замѣтимъ, однако, что мы никогда не фыркали на самую науку, свободу, промышленность и всегда относились ко всѣмъ этимъ вещамъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ этомъ отношеніи мы сходимся со всею такъ называемою либеральною русскою печатью. Разница только въ томъ, что мы охотнѣе другихъ указываемъ на пятна на послѣднихъ плодахъ европейской цивилизаціи, и охотнѣе на послѣднихъ, чѣмъ на предпослѣднихъ“ (Ibid.).

Характеризуя великое значеніе книги Маркса, какъ безошадной критики доктринъ либерализма и правднаго изображенія современной капиталистической дѣйствительности, Михайловскій подчеркиваетъ всю важность сохраненія для Россіи общинныхъ и другихъ формъ старой экономической жизни русскаго народа. А въ статьѣ, посвященной дѣлу Нечаева, развивается рядъ мыслей о политическихъ процессахъ, — мыслей изъ которыхъ какъ нельзя яснѣе выходитъ, что Михайловскій и не думалъ „фыркать на свободу“, хотя и настаивалъ на необходимости для Россіи рѣшенія основныхъ социальныхъ задачъ.

Я, впрочемъ, уже не разъ говорилъ въ своихъ прежнихъ этюдахъ о Михайловскомъ, что, какъ бы ни былъ силенъ и оригиналенъ этотъ умъ, онъ все же неизбежно долженъ былъ подчиняться давленію общей тогдашней дѣйствительности и вліянію передовыхъ теченій, господствовавшихъ среди русской интеллигенціи. Такъ, пока среди активныхъ слоевъ русской молодежи царилъ мысль о необходимости немедленнаго социальнаго переворота, — „соціальной революціи“, какъ говорилось тогда со словъ Прудона и Баку-

¹⁾ Изъ этого отдѣла нами отложены до XI тома „Ироническій поступокъ проф. Писаева“ и „Отвѣтъ проф. Сергѣевичу“.

нина,—и Михайловскій ставилъ впереди рѣшеніе социальной задачи, хотя и не безъ сожалѣній отодвигая на задній планъ чисто политическія требованія. Но когда все растущая и ширившаяся борьба интеллигенціи со старымъ строемъ выдвинула фатально для передового демократическаго отряда необходимость рѣшенія политическаго вопроса, а именно созданія свободныхъ учреждений, которыя дали бы возможность организоваться трудящимся массамъ и ихъ революціонному авангарду для завоеванія новыхъ и лучшихъ жизненныхъ условий, то Михайловскій явился едва ли не наилучшимъ выразителемъ той точки зрѣнія, сочетающей экономику и политику, борьбу за свободу и социализмъ, какую скоро воплотитъ своей идейной и жизненной работой партія Народной Воли.

Но критически изощренный умъ Михайловскаго и его широкое философское міровоззрѣніе никогда не покидаютъ его при оцѣнкѣ программъ, выставляемыхъ разными передовыми направленіями. Такъ читатель не безъ интереса ознакомится съ отчетъ ранними, еще отпосланными къ чисто народническому періоду взглядами Михайловскаго на возможность конституціи въ Россіи и задачи передовыхъ людей въ двухъ письмахъ къ Лаврову. По сравненію съ тогдашними пропагандистами хожденія въ народъ, Михайловскій отличается болѣе скептицизмомъ и лучшимъ пониманіемъ трудностей положенія. По его мнѣнію, выходитъ, что главное затрудненіе—даже не въ смѣнѣ стараго режима новымъ конституціоннымъ, а въ томъ, что въ Россіи передовые слои интеллигенціи еще не достаточно подготовлены къ тому, „чтобы встрѣтить революцію, какъ слѣдуетъ“, встрѣтить ее „не съ Молешоттомъ на устахъ и не съ игрущечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различить добро и зло европейской цивилизаціи“ (стр. 68).

Приято говорить, кстати сказать, среди людей червотуръ правовѣрнаго марксистскаго толка, что Михайловскій былъ въ сущности типичнымъ демократомъ буржуазно-интеллигентскаго пошиба, что онъ не могъ будто бы смотрѣть на народъ, иначе какъ на матеріалъ, надъ которымъ будутъ продѣлывать опыты искусныя руки благотворительной социальнo-пароднической бюрократіи. И, конечно, нѣкоторые взгляды о необходимости покровительствовать земельной общинѣ, артели, мелкому кредиту, ассоціаціямъ можно при сильномъ желаніи истолковать въ этомъ бюрократическомъ смыслѣ. Но это пелѣрно. Для Михайловскаго, всегда придававшего значеніе

человѣческой личности, была противна идея опеки надъ народомъ. Упомянутыя же фразы означаютъ въ его устахъ то самое, что означали онѣ въ Европѣ въ устахъ немалого числа социалистовъ, стоявшихъ въ 60-хъ годахъ, подъ вліяніемъ пропаганды Лассалли, за проведеніе болѣе или менѣе крупиныхъ реформъ социальнаго характера, которыя могли бы, пока что, принести пользу широкой арміи трудящихся. Такова въ сущности и точка зрѣнія Михайловскаго, притомъ очень мало вѣрившаго въ то, чтобы наше правительство могло серьезно приняться за какія-нибудь социальныя преобразованія.

Уже въ своемъ этюдѣ „Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ“ и, пользуясь въ силу цензурныхъ условій исключительно легальными произведеніями Михайловскаго, пытался, однако, установить, въ какой степени знаменитый публицистъ чутко и умѣло ставилъ требованія русской активнoй интеллигенціи, т.-е. въ сущности ея революціоннаго авангарда. Теперь, въ I-мъ отдѣлѣ читатель найдетъ сгруппированными произведенія нелегальнаго пера Николая Константиновича, остающіеся еще до сихъ поръ мало знакомыми большой публикѣ, а отчасти и появляющіяся впервые въ перепечаткѣ. Таковы, кромѣ уже болѣе или менѣе извѣстныхъ „Политическихъ писемъ социалиста“ въ „Народной Волѣ“ и статей противъ Лориса-Меликова въ „Листкѣ Народной Воли“, другія статьи и прокламаціи, напр., по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, о предательствѣ Тихомирова, по поводу голода и т. п. Въ нихъ читатель найдетъ подтвержденіе того, съ какой энергіей и умѣніемъ Михайловскій совершилъ переходъ отъ прежней социальнo-народнической точки зрѣнія къ точкѣ зрѣнія социальнo-политической, выдвинутой первой большой общественно-партией Россіи. Мы говоримъ о „Народной Волѣ“, необходимость возникновенія которой, вплоть до „Исполнительнаго Комитета“, Михайловскій предвидѣлъ еще въ анонимномъ воззваніи „Летучаго Листка“ 1878 г. по поводу дѣла Засуличъ. Къ сожалѣнію, условія современной печати не позволяютъ намъ цѣликомъ поставить передъ глазами читателей эти яркія произведенія свободнаго пера Михайловскаго, умѣвшаго сочетать въ нихъ ясность политическаго пониманія съ агитаціоннымъ энтузіазмомъ формы. Но и того, что мы считаемъ возможнымъ дать въ этомъ томѣ, будетъ достаточно для того, чтобы повернуть Михайловскаго къ читателямъ той гранью его личности, какая до сихъ поръ была знакома далеко не всѣмъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ образующихъ третій отдѣлъ первой части „Научныхъ и литературно-критическихъ статей“, равно какъ о всей второй части этого тома, которую составило значительное число рецензій изъ „Книжнаго Вѣстника“, „Отечественныхъ Записокъ“ и „Русскаго Богатства“. Что касается до статей научнаго и литературно-критическаго характера, мы отложили до XI-го тома лишь двѣ изъ нихъ: статью „Органъ, общество, недѣлимое“, которая входила въ раннее собраніе сочиненій Михайловскаго, а послѣдствіемъ была имъ же самимъ выключена (см. объ этомъ въ библиографическихъ замѣткахъ г. Колосова); и статью „Напрасная трата силъ“, которую, по нѣкоторымъ характеристичнымъ мыслямъ, слѣдуетъ, однако, приписать Михайловскому. Зато мы сочли нужнымъ внести въ предлагаемый теперь же читателю томъ рядъ анонимныхъ статей Михайловскаго о нѣкоторыхъ выдающихся или въ какомъ либо отношеніи замѣчательныхъ книгахъ и фактахъ запада. Статьи о Бернгардѣ Бэккерѣ и Лавеле, о Фридрихѣ Каппѣ и Кине, о Дюрингѣ и Тьерѣ, казались достойными для перепечатанія самому Николаю Константиновичу, какъ о томъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что они были вырваны имъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“ и отложены въ сторону для будущаго изданія съ собственной его надписью „Изъ европейской литературы и жизни“ и отмѣткой, къ какому номеру журнала каждая изъ нихъ относилась. Счастливая случайность сохранила ихъ въ рукахъ В. И. Семевского, которому мы приписываемъ здѣсь живѣйшую благодарность за расширеніе этого матеріала, первоначально состоявшаго лишь изъ двухъ статей, указанныхъ г. Колосову Д. П. Сильчевскимъ. Знакомясь съ этой группой работъ, читатель еще разъ увидитъ, до какой степени живо Михайловскій интересовался ходомъ заграничной мысли и жизни, и какую онъ всегда ощущалъ потребность осмыслить эти явленія для русской публики. Не безъ интереса также, мы увѣрены, прочтетъ читатель очень умную характеристику Милля, сдѣланную Михайловскимъ въ предисловіи къ книгѣ „Подчиненность женщины“. Здѣсь снова и снова чрезвычайно опредѣленно высказывается та всегдашняя и любимая Михайловскимъ точка зрѣнія на женскій вопросъ, съ которой эта задача представляется лишь частью колоссальнаго вопроса современности, вопроса социальнаго. Само по себѣ участіе женщины въ различныхъ отрасляхъ труда можетъ, по совершенно справедливому мнѣнію Михайлов-

скаго, лишь „усугублять“ враждебныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Женскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, когда общество рѣшитъ и объемлющую его міровую проблему объ „организации труда“ (стр. 310).

Наконецъ, вся вторая часть тома состоитъ изъ рецензій, которыхъ въ теченіе своей литературной карьеры Михайловскій написалъ такое множество, что мы могли помѣстить здѣсь лишь часть ихъ. Во всякомъ случаѣ, эта сторона дѣятельности Михайловскаго принадлежитъ отнюдь не къ второстепеннымъ проявленіямъ его писательской индивидуальности. Если указывалось иногда въ литературѣ на нѣкоторую разбросанность большихъ статей Михайловскаго, то его рецензіи представляютъ собою необыкновенно законченное и гармоничное цѣлое. Цорю опъ положительно напоминаютъ собою небольшія, но высоко художественныя произведенія какого-нибудь великаго скульптора. Въ нихъ нѣтъ ни слова лишняго. Зачастую трудно представить себѣ, чтобы можно было охарактеризовать ту или иную книгу такъ кратко и ясно, и вмѣстѣ съ тѣмъ вдвинуть ее такъ удачно въ извѣстный кругъ явленій, широко объясняемыхъ могучей мыслью философа-публициста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти рецензіи показываютъ, до какой степени разнообразны были литературные интересы Михайловскаго. Не говоря уже о его рецензіяхъ изъ „Книжнаго Вѣстника“, которыя проливаютъ яркій свѣтъ на выработку нѣкоторыхъ первоначальныхъ элементовъ въ личности Михайловскаго, высоко замѣчательны рецензіи, даваемые имъ въ теченіе столь долгихъ лѣтъ въ „Отечественныя Записки“.

Среди нихъ есть положительные шедевры литературной и художественной критики. Таковы оцѣнки неоднократно разбиравшихся имъ сочиненій Мещерскаго, Немировича-Данченко, Каразина, Маркевича, Саліаса, Лейкина, Рѣшетникова, Крестовскаго, Золя. Другія рецензіи любопытны взглядами Михайловскаго на нѣкоторые вопросы общественной и политической жизни въ Россіи, особенно останавливавшіе на себѣ вниманіе современниковъ, напр., въ частности на народъ и буржуазію. Съ этой стороны выдѣляются его рецензіи о Златовратскомъ, Ауэрбахѣ, „крестьянникѣ“ Воронинѣ. Иныя представляютъ собою поразительный по силѣ и краткости памфлетъ на политическихъ враговъ. Читайте, напр., его неимоверно презрительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ пылающія свитымъ огнемъ негодованія отцовѣди по адресу Дьяковыхъ-Незлобинныхъ. Многія изъ этихъ рецензій

посвящены общимъ вопросамъ по естественнымъ, философскимъ и социальнымъ наукамъ, подвергая оцѣнкѣ то Дарвина, то Геккеля, то Дюринга, то проф. М. Ковалевскаго, то проф. Карѣва. Наконецъ, въ этихъ критическихъ отзывахъ проходитъ передъ читателемъ рядъ писателей, работавшихъ надъ месмеризмомъ, магнитизмомъ, спиритизмомъ и другими явленіями того, что Михайловскій назоветъ позже „психологической магіей“. Отдѣльные сочиненія давали ему здѣсь возможность иллюстрировать конкретными фактами ту необыкновенно остроумную и творчески-оригинальную точку зрѣнія, на которую онъ становился при разборѣ явленій индивидуальной и коллективной психологии, напр., подражательности, вліянія героевъ на толпу и т. д. Здѣсь Михайловскій гораздо раньше иныхъ европейскихъ мыслителей, хотя бы напр., Тарда, анализировалъ суть массового взаимодействія людей другъ на друга.

Въ заключеніе читатель найдетъ рядъ остроумныхъ и мѣстами очень забавныхъ (при разборѣ нашихъ декадентовъ) рецензій изъ „Русскаго Богатства“, относящихся къ послѣдней полосѣ литературной дѣятельности Михайловскаго, когда онъ самъ ограничивался главнымъ образомъ статьями

въ созданномъ и вдохновляемомъ имъ журналѣ, а на рецензій удѣлялъ лишь сравнительно небольшую часть своей работы, но зато тѣмъ съ большимъ стараніемъ занимался о полнотѣ, и разнообразіи, и идейной свѣжести этого отдѣла при помощи привлеченія подходящихъ литературныхъ силъ.

Мы надѣемся, что предлагаемый читателямъ X-й томъ сочиненій Михайловскаго, за которымъ долженъ слѣдовать заключительный, имѣетъ не только чисто литературное, но и общественное и,—мы не боимся сказать,—историческое значеніе. Развѣтіе русской мысли и русской науки въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка обязано въ сильной степени крайне яркой индивидуальности Михайловскаго. А его чисто-литературная роль вырисовывается передъ нами во все большемъ и большемъ величій по мѣрѣ того, какъ этотъ необыкновенно крупный человѣкъ отходитъ въ прошлое, и начинаешь сравнивать современныхъ писателей съ тѣмъ, кто въ теченіе почти четырехъ десятковъ лѣтъ налагалъ печать своей высоко оригинальной личности на русскую научную, публицистическую и литературно-критическую мысль.

Н. С. Русановъ.